

В. С. Парсамов

**ЖОЗЕФ ДЕ МЕСТР О ПРОСВЕЩЕНИИ В РОССИИ
(К ФОРМИРОВАНИЮ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В НАЧАЛЕ XIX В.)***

doi: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-27-34

УДК 94(47)“18” ББК 63.3(2)52

Жозеф де Местр, проживший в России 14 лет (с 1803 по 1817 гг.) в качестве посланника короля Сардинии, не оставил связанного целостного текста, посвященного России, но его высказывания о различных сторонах русской жизни многочисленны и разнообразны. Часть из них содержится в дипломатической переписке. Она не предназначалась для русского читателя. Другая часть, составляющая объект настоящей статьи, распространялась в русском обществе и имела характер экспертных оценок. Как дипломат Местр играл довольно скромную роль просителя субсидий для содержания сардинского двора, но как общественный деятель и мыслитель был востребован публикой Петербурга начала XIX в. Тяжело переживший и глубоко осмысливший Французскую революцию, Местр видел свою миссию в том, чтобы не допустить аналогичной ситуации в России, куда, по его мысли, переместился центр столкновения двух враждебных мировых сил — европейского Просвещения и католицизма, верными защитниками которого являлись иезуиты. Изгнание этого ордена из Франции предопределило победу революции в этой стране. Его восстановление в России давало надежду, что силы революции, проникавшие в нее в виде различных «сект», потерпят поражение. Местр не обладал глубоким знанием России, но он видел огромную и нерастрченную энергию русского народа. Русское дворянство, зараженное галломанией, оторванное от своего народа и от веры, вело страну к катастрофе. И только иезуиты (при условии поручения им воспитания русского юношества) способны были эту катастрофу предотвратить.

Ключевые слова: *Жозеф де Местр, Россия, просвещение, католицизм, публичная сфера*

Публичное сфера может рассматриваться как коммуникативная система, в которой осуществляется постоянное взаимодействие как письменных, так и устных текстов. В России начала XIX в. «площадками» для такого диалога служили двор, аристократические салоны, клубы, вольные общества, печать, рукописные копии произведений и писем. Часто в центре оказывалась фигура, являющаяся своего рода катализатором общественной мысли. В первые годы александровского правления такой фигурой в публичной сфере Петербурга был сардинский посланник при русском дворе Жозеф де Местр. Публичный диалог Местра с его русскими собеседниками был частью более широкого диалога русской интеллектуальной среды с культурой Просвещения и, шире, с культурой XVIII в. Русские собеседники Местра — люди, читавшие Вольтера и Руссо, пережившие Французскую революцию и переживающие период наполеоновских войн, состоящие в масонских ложах и увлекающиеся оккультизмом и ми-

стикой. Бурные события творимой на глазах истории порождали желание разобраться в них и получить ответы на многие вопросы. Местр с его опытом европейской жизни, огромными познаниями и парадоксальным мышлением был именно тем человеком, в котором нуждалось русское общество. Он был востребован Петербургом и поэтому был в нем популярен.

Замечательный исследователь русских отношений Местра А. Н. Шебунин писал: «Идеолог международной реакции, живя в России, не был беспристрастным наблюдателем или хотя бы нелицеприятным судьей лиц и событий. Он был активным участником политической борьбы, а к концу своего пребывания в Петербурге — даже вождем определенной политической группировки».¹ Конечно, в этом есть некоторое преувеличение. Статус дипломата не позволял Местру открыто вмешиваться во внутриполитические дела России, а к концу пребывания в Петербурге, закончившегося предложением покинуть страну, его популярность заметно снизилась даже в той среде, где он мог считаться если не «вождем», то во всяком случае властителем умов. Но исследователь, безусловно, прав в том, что Местр был не просто наблюдателем, описывающим свои впечатления, но активным

Парсамов Вадим Суренович — д.и.н., профессор, в.н.с. Института региональных исследований; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
E-mail: vparsamov@hse.ru

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

¹ Степанов М. (Шебунин А. Н.). Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. М., 1937. Т. 29, 30. С. 578.

участником, правда, не политической, а социальной жизни великосветского Петербурга, явно претендующим на роль эксперта, чье мнение может оказаться решающим при принятии судьбоносных для России решений или, по крайней мере, будет выслушано теми, кто непосредственно влияет на принятие таких решений.

В России Местр видел огромную, но растратаемую впустую энергию. Он неоднократно писал, что «если бы возможно было заложить русское вождение под стены крепости, она взлетела бы на воздух».² Эта материальная сила при правильном направлении может принести благотворные результаты. Для этого ее необходимо соединить с духовной силой Рима. Иными словами, по Местру, Россия нуждалась в католическом просвещении. Большинство «экспертных» оценок, которые Местр давал России, так или иначе подчинены этой цели. В связи с этим его интересовали три вопроса: что мешает России перейти в католицизм, что этому способствует и какие шаги в этом направлении следует предпринять?

Первое и, пожалуй, главное препятствие — неевропейский характер России: «...это азиатская раса, оказавшаяся в Европе».³ Парадокс заключается в том, что азиатская Россия получила свою цивилизацию не в храмах, как большинство народов, а в «грязи регентства», впитав в себя «ужасную литературу XVIII в., ...и на первых уроках французского языка, которые услышало русское ухо, звучали слова богохульства».⁴ Однако Местр не ограничивался констатацией азиатской отсталости России. Он видел в ней и черты европеизма, которые открывают возможность и для надежд, и для пессимистических прогнозов. Многие зависели от личности Александра I. С одной стороны, Местр не мог не симпатизировать молодому и обаятельному монарху, легко располагавшему к себе людей. Ему, безусловно, импонировала европейская образованность русского царя. Но как дипломат, от которого ждут трезвых экспертных заключений, он понимал, что личные качества царя не годятся для управления такой огромной империей, находящейся еще в «полудиком» состоянии. В этом смысле достоинства Александра I — «справедливый ум, добрейшее сердце и возвышенные мысли»⁵ — становятся

его недостатками. Главный из них заключается в том, что «император философ, и, если так можно сказать, он чересчур философ» (IX, 324). При этом он «не знает самых главных вещей, и этим несчастьем он обязан тому образованию, которое он получил и которое будет вечным упреком памяти Екатерины!» (XI, 407). Имеется в виду воспитание Ф. С. Лагарпа, олицетворявшего для Местра ненавистную ему философию XVIII в. С точки зрения Местра, в стране, где император философ, а «губернаторы провинций — персидские сатрапы» (IX, 347), не может быть эффективного управления.

Одну из важнейших проблем России Местр видел в несоответствии царя и нации. «Воспитанный на республиканских идеях»⁶ и равнодушный к религии, Александр являлся фактически антиподом того правителя, который нужен России. Местр никогда не верил в силу законов и основанную на них свободу считал великим заблуждением: «В мире накопилось слишком много свободы. Развратная воля человеческая, уже ничем не сдерживаемая, смогла осуществить то, о чем возмнили гордыня и безнравственность».⁷ Только два якоря, по его мнению, способны удержать государственный корабль — религия или рабство.⁸ В Античности рабство придавало устойчивость Римской империи, в Средние века, когда христианство получило всеобщее распространение, папа Александр III в 1167 г. провозгласил, «что все христиане должны быть изъяты из рабского состояния».⁹ Местр высоко оценивает это решение, но не объясняет, каким образом в едином христианском мире произошел раскол. Меньше всего ответственность за это он склонен возлагать на Рим. Зато дальнейший ряд причинно-следственных отношений устанавливается довольно легко. Раскол породил скептическое отношение к религии, результатом которого стало появление просветительской философии, которая, в свою очередь, подготовила Французскую революцию. Дальнейший путь возможен только в обратном направлении. Развенчание просветительской философии должно привести к восстановлению религии, восстановление религии — к воссоединению церкви под властью римского папы.

Россия, победившая Наполеона, по мнению Местра, не должна оставаться в стороне от великого процесса религиозного возрождения,

² Местр Ж. де. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 190.

³ Там же. С. 220.

⁴ Местр Ж. де. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. СПб., 2007. С. 41.

⁵ Maistre J. de. *Œuvres complètes*. Lyon, 1884. Т. 9. Р. 246 (Далее в тексте ссылки: римские цифры том, арабские — страницы).

⁶ Местр Ж. де. Петербургские письма. С. 179.

⁷ Там же. С. 189.

⁸ См.: Там же. С. 190.

⁹ Там же. С. 188.

в противном случае ее ждет революция страшнее французской, во главе которой будет стоять «Пугачев с университетским дипломом». Религиозное возрождение Местр понимал вполне конкретно и однозначно — как признание всеми христианами римского папы главой единой церкви. Это, собственно говоря, и было главной целью католического просвещения России, а главным препятствием на этом пути являлся «сам Император, который дал соблазнить себя новейшими идеями и прежде всего германской философией, которая для России есть не что иное, как настоящий яд».¹⁰ В этом высказывании удивление вызывает факт знакомства Александра I с германской философией, что, впрочем, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. В ближайшем окружении императора философией Канта увлекался Сперанский,¹¹ с Кантом был знаком в молодости Карамзин,¹² в «Правилах для Педагогического института» (1804) рекомендовалось преподавать логику в изложении Канта,¹³ но о чтении Александром немецких философов ничего не известно. Возможно, Местр хотел подчеркнуть этим немецкое происхождение и немецкие симпатии русского царя, о которых он писал в другом письме, развивая ту же мысль: «Император в силу своего немецкого происхождения добр и более зрел, нежели его народ, и он это хорошо знает».¹⁴ В итоге «император опередил свою нацию, и возможно в этом его несчастье. Если бы он не так возвышался над ней, его больше любили бы, так как он знал бы, любил бы и хвалил только то, что видит вокруг себя».¹⁵

Характерно, что основное препятствие на пути объединения церковью Местр видит не в народных верованиях и предрассудках и даже не в самом православии, а именно в равнодушии к религии образованного общества, воспитанного на идеях Просвещения. Местр любил парадоксы. Если европеизированное и индифферентное в вопросах веры русское правительство

является главным препятствием для перехода России под духовную юрисдикцию Рима, то предрассудки и невежество русского народа и исповедуемое им православие, которое Местр считал неправомерным самоназванием русской религии, могут если не способствовать принятию католичества, то во всяком случае не будут препятствовать ему.¹⁶ Русский народ, как и русское правительство, безразличен к истинной религии, но корни этого безразличия глубоко различны. Европеизированное правительство под влиянием просветительских идей было убеждено, что религия — предрассудок и государство может существовать на основе одних законов. Русский народ в силу своего невежества не понимает значения истинной веры, но, испытывая естественную потребность в ней, подменяет ее суеверием: «Русский крестьянин, быть может, скорее умрет, чем съест скромное в постный день, но навряд ли сумеет он остановить в себе приступ ярости».¹⁷ Только невежество, по мнению Местра, заставляет русского человека придерживаться православия. «Как только является наука, греческая вера неизбежно делается или католической, или протестантской».¹⁸ Безусловно, здесь имеется определенная логика. Религиозная индифферентность является результатом ложного просвещения, в то время как суеверие и религиозное невежество — следствие непросвещенности как таковой. Всегда легче просвещать варвара, чем искоренять плоды ложного просвещения.

Отсюда вытекает третья и наиболее важная проблема — что делать для того, чтобы распространение знаний и просвещения в России привели ее к католицизму, а не протестантизму? Для этого Местр стремился сформировать особое публичное пространство — религиозно-интеллектуальную среду из русских людей, перешедших в католицизм или размышлявших над этим. Он не был ни единственным, ни даже главным пропагандистом католицизма

¹⁰ Там же. С. 217.

¹¹ Ср. высказывание о Сперанском Местра: «При единственном моем с ним разговоре я убедился, что он последователь Канта» (Там же. С. 132). См. также: Сперанский М. М. Правила общежития по Канту // ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 612.

¹² Местр был знаком с французским переводом «Писем русского путешественника» Карамзина, где его внимание привлекла фраза Канта, сказанная путешественнику: «Что же касается до религии, то нужно прежде всего знать, существует ли на самом деле творец всего видимого» (Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 280).

¹³ Это также было известно Местру. См.: Васильчиков А. А. Указ. соч. С. 281.

¹⁴ Архив Воронцова. М., 1880. Кн. 15. С. 502 (оригинал по-французски).

¹⁵ Там же. С. 492.

¹⁶ Впрочем, как «эксперт» Местр добросовестно приводит противоположные взгляды русских людей на эту проблему: «Говоря о церковном календаре, другой министерский сановник (Тагищев, который сегодня министром в Палермо) сказал, что одна только мысль праздновать Пасху с латинянами может привести ко всеобщему мятежу. Впрочем, нет ничего более неверного. Какое-то время спустя я говорил на эту тему с одним из самых лучших умов этой страны, графом Петром Толстым, который, пожав плечами, сказал мне, что император может все, что захочет» (Местр Ж. де. Религия и нравы русских. Анекдоты, собранные графом Жозефом де Местром и о. Гривелем. СПб., 2010. С. 59, 60).

¹⁷ Местр Ж. де. Петербургские письма. С. 190.

¹⁸ Там же. С. 257.

в России,¹⁹ но он был одним из интереснейших собеседников, общение с которым доставляло интеллектуальное удовольствие.²⁰ Среди его многочисленных собеседников и слушателей выделяется ряд великосветских дам, перешедших в католичество: В. Н. Головина, хозяйка великосветского салона, завсегдагатаем которого был Местр, ее дочь графиня П. Н. Фредро, пять дочерей генерала П. С. Протасова: Александра Голицына, Екатерина Ростопчина, Вера Васильчикова, Анна Толстая, Варвара Протасова, А. И. Толстая, жена обер-гофмаршала Н. А. Толстого, приятеля Местра, С. П. Свечина, пожалуй, наиболее близкая к Местру, впоследствии сыгравшая видную роль в католической жизни Франции.²¹ К этому списку следует добавить и Роксандру Стурдзу, которую Местр называл своим «близким другом», и хотя она не перешла в католицизм, но, как и многие из окружения Местра, находилась в религиозных поисках.

Благодаря неопубликованным воспоминаниям дочери В. Н. Головиной П. Н. Фредро мы можем представить положение Местра в салоне ее матери. В ее глазах Местр — пророк, «истолкователь живой и вечно возрастающей истины... Он видел слишком высоко и далеко для того, чтобы быть в гармонии со своим окружением. Увлеченный всем человечеством в целом, созерцая замыслы Провидения, он не замечал отдельных людей, встречающихся на его пути. Он наивно верил в силу веских доводов и не обладал ни тактом, ни осторожностью в ведении дискуссий».²² По мнению мемуаристки, в салоне Головиной Местр вызывал интерес скорее своей колоритной фигурой, чем своими идеями, не встречавшими большого понимания среди гостей: «Несколько человек слушали его с почтительным любопытством, большинство же были скучны или шокированы».²³

Между тем эти «несколько человек» составляли интеллектуальную элиту русского общества и способствовали расширению публичной сферы. Только они могли в полной мере оценить не только парадоксы и ораторское

мастерство Местра, но и глубину его идей. Так, С. П. Жихарев, относившийся к нему с некоторым внутренним неприятием, признавал, что «граф Местр точно должен быть великий мыслитель: о чем бы он ни говорил, все очень занимательно, и всякое замечание его так и врезывается в память, потому что заключает в себе идею, и сверх того, идею прекрасно выраженную». В то же время С. П. Жихарев «не хотел бы остаться с ним с глазу на глаз, потому что он точно сделал бы из меня прозелита. Ума палата, учености бездна, говорит, как Цицерон, так убедительно, что нельзя не увлечься его доказательствами; а если поразмыслить, то, несмотря на всю христианскую оболочку (он иначе не говорит, как рассуждая), многое, многое кажется мне не согласным ни с тем учением, ни с теми правилами, которые поселили в нас с детства».²⁴ По словам А. С. Стурдзы, этот «государственный, кабинетный и салонный муж не имел равного себе в аристократическом обществе, в котором он господствовал».²⁵

Независимость и оригинальность суждений, подкрепленные личной бескомпромиссностью, делали Местра властителем дум в среде оппозиционной знати, и эти же качества очень скоро стали внушать опасения русскому правительству. Если в 1807 г. Александр I отмечал: Местр «своей осмотрительностью и своим мудрым поведением сумел приобрести здесь всеобщее уважение и особое мое расположение»,²⁶ то спустя несколько лет министр иностранных дел К. В. Нессельроде, подготавливая высылку де Местра из Петербурга, писал русскому посланнику в Сардинском королевстве П. Б. Козловскому: «Легкость его успехов, прием, оказанный ему повсюду, наконец, его общение с иезуитами внушали ему надежду, что своими речами, своею настойчивостью и своей перепиской он может оказывать пользу католической вере, полномочным представителем которой он, в конце концов, возомнил себя. Соединяя французскую самоуверенность с самыми крайними ультрамонтанскими притязаниями, этот посланник не мог успокоиться до тех пор, пока ему не удалось утвердить культ своих принципов в домах, где в течение многих лет он был всегда желанным гостем. Красноречие, с которым он восхвалял в салонах иезуитов, открыло доступ во многие семейства их духовникам и книгам».²⁷

¹⁹ См.: Дмитриева Е. Е. Обращение в католичество в России в XIX в. (историко-культурный контекст) // Мировое древо. М., 1996. Вып. 4. С. 84–110; Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004.

²⁰ См.: Мильчина В. А. «Человек острого ума сказал...»: Жозеф де Местр как мастер светской беседы // Актуальность Жозефа де Местра. Материалы российско-французской конференции. М., 2012. С. 127–144.

²¹ См.: Rouet de Journel M. J. Une russe catholique Madame Swetchine. Paris, 1929.

²² Там же. Л. 65–65об.

²³ ГАРФ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 185. Л. 66.

²⁴ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 318, 390.

²⁵ Stourdza A. de. Oeuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires. Paris, 1859. Т. 3. Р. 171.

²⁶ Шибунин А. И. Указ. соч. С. 656, 657.

²⁷ Там же. С. 667, 668.

Исследователи нередко преувеличивают роль Местра в истории обращения представительниц русской знати. Переход той или иной дамы в католицизм часто обуславливался различными и порой глубоко личными причинами, о которых следует говорить отдельно. Но несомненно, что Местр был центром притяжения для русских католичек. Благодаря ему формировалась «публичная сфера», в которой обсуждались вопросы истории церкви и религиозного выбора.

Не менее важное значение сардинский посланник придавал своим контактам с людьми из ближайшего окружения царя. Выстраивая личные отношения, он старался влиять на решения правительства, выступая то в роли консультанта, то в роли эксперта.

В этой связи представляет интерес его обращение с циклом писем к министру народного просвещения А. К. Разумовскому. Поводом для их написания послужил проект Царскосельского лицея с его обширным учебным планом, рассчитанным на шестилетнюю подготовку будущей чиновничьей элиты империи.²⁸ В начале 1810 г. А. К. Разумовский был назначен министром народного просвещения и переехал из Москвы в Петербург, где быстро сблизился с Местром. Сейчас неважно, стал ли этот цикл писем ответом на запрос министра или Местр сам проявил инициативу. Оставим в стороне и практические рекомендации Местра, подробно разобранные А. А. Васильчиковым и еще раньше резко раскритикованные Ю. Ф. Самаринным.²⁹ Остановимся лишь на оценках, которые Местр, как «эксперт», дает современному положению России. По своему стилю и риторическому пафосу эти письма явно предназначались для обращения в публичном пространстве и предполагали не узко профессиональную группу читателей, а самую широкую аудиторию.

Россия, по мнению Местра, является ареной борьбы двух международных сил: различного рода протестантских сект, происхождение которых восходит к кальвинизму — «исчадию гордыни», и врагу «всякой власти»,³⁰ и католицизму, представленному иезуитами, смиренными

служителями королевских престолов. На протяжении XVIII в. эта борьба шла во Франции, где «кальвинизм» выступал под личиной то яansenизма, то Просвещения. Упразднение ордена Иисуса в 1773 г. папой Климентом XIV обеспечило победу «секты». Орден был восстановлен в России, и следующий этап его борьбы с «кальвинизмом», на этот раз в облики германских иллюминатов и все тех же французских просветителей, начался в современной Местру России. «Эта в сущности единая, хотя в то же время и многообразная секта, окружает Россию или, вернее, проникает в нее со всех сторон, подкапывается даже под ее основания».³¹ В этом, по его мнению, и заключается «корень всего зла».³² Местр, естественно, не называет имен, ограничиваясь лишь указанием на ряд государственных мероприятий, вдохновленных идеями этой «секты». К их числу он относит секуляризацию церковных земель, начатую Петром III и продолженную Екатериной II, открытие университетов Александром I и реформы Сперанского. Вред от этих государственных мероприятий усугубляется социальной напряженностью, вызванной надвигающимся экономическим крахом.³³ «Нужда в деньгах крайняя, — пишет он в конце 1809 г., — однако, роскошь, несмотря на все, не уменьшается, хотя ее излишества и величайшая беспечность ведут страну к неизбежной революции. Дворянство нерасчетливо тратит деньги, но эти деньги попадают в руки деловых людей, которым стоит только сбрить бороды и достать себе чины, чтобы быть хозяевами России. Город Петербург скоро будет целиком принадлежать торговле. В общем обеднение и нравственный упадок дворянства были истинными причинами наблюдаемой нами революции. Революция повторится и здесь, но при особенных обстоятельствах». «Император, по-видимому, хочет создать промежуточное третье сословие... Это заставляет трепетать тем более, что здесь нет никакого морального принципа, который мог бы послужить дополнительным коррективом к законам».³⁴ Местр смотрит на ситуацию в России сквозь призму Французской революции и с «трепетом» ждет ее повторения. Как и во Франции, в России приближающаяся революция стала результатом разрушительной работы, которую вела

²⁸ См.: Селезнев И. А. Исторический очерк Императорского, бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 г. СПб., 1861. С. 1–17.

²⁹ См.: Самарин Ю. Ф. Иезуиты и их отношение к России // Самарин Ю. С. Сочинения. М., 1887. Т. 6. С. 223–230.

³⁰ Васильчиков А. А. Указ. соч. С. 277. Под «кальвинизмом» Местр понимает не только учение Кальвина и даже не протестантизм в целом, а некую глобальную международную секту, целью которой является разрушение государств и религии.

³¹ Там же. С. 277.

³² Там же. С. 276.

³³ Имеется в виду экономический спад в результате вынужденного присоединения России к континентальной блокаде Англии.

³⁴ Цит. по: Степанов М. (Шебунин А. Н.). Указ. соч. С. 595.

международная «секта», или, как позже сформулирует И. А. Ильин, «мировая закулиса».³⁵

Поскольку в письмах к Разумовскому речь идет о народном образовании, то Местр касается в первую очередь средств и сил, способных противостоять «секте» в этой области. Главную опасность Местр видит в том, что «в России негласно принято смотреть на нравственность, как на нечто совершенно отдельное и независимое от преподавания».³⁶ Этот ложный взгляд является проводником «сектантских» идей, направленных на разрушение государства. Разрушительная сила лишь удваивается, когда преподавание наук осуществляется среди народа, не способного к научному знанию. «Кто знает, например, созданы ли русские для науки?» — этот риторический вопрос Местр сразу же пытается смягчить параллелью между Россией и Римом: «Римляне ничего не смыслили в искусствах; никогда не было у них ни живописца, ни ваятеля, еще менее математика... Однако, мне кажется, что римляне имели довольно важное значение в мире, и нет такого народа, который подобным значением не мог бы удовлетворяться».³⁷ И далее: «Русские могли бы быть первым народом на свете и не иметь при этом ни малейших способностей к естественным наукам».³⁸ Проводимая Местром параллель между Россией и языческим Римом актуализирует концепцию «Москва — третий Рим», точнее ее позднейшие отголоски. Напомним, что в этой восходящей к началу XVI в. идеологической доктрине было заложено два момента: религиозный — Москва после падения Константинополя наследует его политическое значение — и имперский — московские князья признаются потомками римских императоров. Последний аспект, как показали Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, сохранял свою актуальность в петровскую эпоху, где Петербургу приписывалась Петром роль второго Рима.³⁹

³⁵ Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Кн. 2 // Собрание сочинений. М., 1993. Т. 2. С. 42.

³⁶ Васильчиков А. А. Указ. соч. С. 253.

³⁷ Там же. С. 249.

³⁸ Там же. С. 251.

³⁹ См.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 236–249. В связи с этим неслучайно, что свое знакомство с Петербургом уже в день прибытия (1 мая 1803 г.) Местр начал с осмотра памятника Петру I, сравнивая его с памятником Марку Аврелию в Риме, который он видел по пути в Петербург в марте 1803 г.: «Мне не терпелось увидеть памятник Петру Великому — лично мне он нравится гораздо больше, чем памятник Марку Аврелию (я имею в виду особенно лошадь). Говорят, что художник после осмотра первого в молчании в течение некоторого времени воскликнул: “Иди!” Что касается меня, то я охотно говорю второ-

Исходя из мысли, что «вся новая цивилизация истекла из Рима» и что там, «где останавливается римское влияние, останавливается также и цивилизация», Местр исключает византийское наследие из ее истории. Характерно, что в одном ряду у него оказывается крещение Руси от Византии и монголо-татарское иго, искусственно остановившие развитие Руси. Россия потеряла время, и надо стараться его наверстать, но при этом не надо спешить. Более того, торопливость, являющаяся, по Местру, чертой русского национального характера, может сыграть плохую службу: «Время, говорит персидская пословица, отец чудес. Оно первый министр всех Государей. С ним они все совершают, без него — ничего. Русские однако им <sic!> презирают и никогда не хотят ждать. Обиженное время над ними смеется».⁴⁰ Распространение научного знания не может стать результатом поспешного составления учебных программ, не соотносящихся с национальным характером и национальными потребностями. Еще менее науки могут быть занесены извне: «Петр I скорее остановил, чем подвинул дело, воображая, что наука растение, которое можно искусственно вывезти, как персик в теплице».⁴¹ Не ученые формируют в народе потребность в научном знании, а свойственная народу потребность в науках (если таковая имеется) формирует ученых в своей среде: «Ученые общества образуются сами собою, и все участие правительства ограничится оформлением и узаконением их».⁴²

Результатом такой спешки в деле распространения наук стала осуждаемая Местром галломания русских дворян, охотно вручавших воспитание юношества случайным учителям-иностранцам: «Не имея ни любви, ни уважения к стране, без связей домашних, гражданских или религиозных, они смеются над теми непрозорливыми русскими, которые поручают им все, что есть дорогого у них на свете, они спешат набрать довольно золота, чтобы привольно зажечь в другом месте, и, обманув общественное мнение кое-какими публичными опытами, которые истинным судьям представляются жалкими образцами невежества, возвращаются на родину, чтобы издеваться над Россией в дрянных книжонках, которые Россия еще покупает у этих же бездельников, — пожалуй, даже переводят их».⁴³

му: “Скачи!”. Честь древним, но без фанатизма и несправедливости» (Maistre J. de. Les carnets. Livre journal. 1790–1817. Paris; Lyon, 1923. P. 161).

⁴⁰ Васильчиков А. А. Указ. соч. С. 251.

⁴¹ Там же. С. 252.

⁴² Там же. С. 253.

⁴³ Там же.

Без сомнения, под этими словами Местра подписались бы адмирал А. С. Шишков и его сторонники. Однако на этом совпадение позиций заканчивается. Для Шишкова основу национального воспитания и образования должен был составлять церковнославянский язык. По мнению Местра, «церковный язык, без сомнения, прекрасен, но бесплоден и не произвел ни одного хорошего сочинения».⁴⁴ В качестве альтернативы Местр предлагает ввести преподавание на латыни. Главный объект полемики Местра в данном случае не Шишков, который в общем не ратовал за распространение наук в России, а Сперанский с подготовленным им указом от 6 августа 1809 г. об экзамене на чин, который активно обсуждался и критиковался в обществе. С точки зрения Местра, «места в судебном ведомстве не требуют ученой подготовки» и вообще «в России нет ничего такого, что бы делало науку необходимою».⁴⁵ Впрочем, дело не только и даже не столько в галломании, сколько в более опасном влиянии германских университетов, через которые в Россию шли идеи протестантизма в виде множества сект, наибольшую опасность из которых представляли иллюминаты. «Эта в сущности единая, хотя в то время и многообразная секта, окружает Россию или, вернее, проникает в нее со всех сторон, подкапывается даже под ее основания».⁴⁶

Единственным эффективным средством противостоять этой угрозе национальной безопасности было доверить воспитание юношества иезуитам. Если до этого момента позиция Местра не только почти полностью совпадала с позицией русских консерваторов, которые впоследствии объединились в общество «Беседа любителей русского слова», но и предвосхищали дальнейшее появление славянофильства, то его открытое предложение передать воспитание русского юношества в руки иезуитов с прозрачно просматривающейся за этим перспективой введения католицизма в качестве официальной религии в России резко отделяло Местра от консервативно-патриотических кругов. А. К. Разумовский в этом отношении был наиболее подходящей для Местра фигурой. Во-первых, от него, как от министра просвещения, многое зависело. Во-вторых, сам он человек широкого европейского образования, в равной степени увлекавшийся и просветительским рационализмом, и масонской мистикой, враг Сперанского, не лишенный симпатий к иезуитам, и при этом явно

симпатизировавший русским консерваторам (через год он будет членом «Беседы»), не имел какого-то определенного мировоззрения. Даже релятивизм его собственной идеологии не был вполне устойчивым, что вселяло в Местра надежду превратить его в своего союзника.

Главный аргумент, который Местр выдвигает в пользу иезуитов, — это их преданность престолу вообще и русскому престолу в особенности. «Иезуиты — это сторожевые ваши псы, оборони Бог их гнать. Если вы не хотите, чтоб они кусали воров, это ваше дело, но по крайней мере пусть они бродят вокруг домов ваших, и когда нужно, будят вас, прежде чем воры успеют выломать двери или влезть в окна».⁴⁷ Местр высоко оценивает политику Екатерины II, пригласившей иезуитов в Россию после упразднения их ордена в 1773 г., а также деятельность Павла I, допустившего иезуитов в Петербург и расширившего их права в Российской империи. Иезуиты, с точки зрения Местра, способны были не только взять на себя воспитание русской молодежи, но и исправить роковые последствия принятия христианства от Византии, в результате чего Россия оказалась исключена из великого движения европейской цивилизации, которая «истекла из Рима».⁴⁸

Русские университеты представляли вполне реальную угрозу, и стремление подчинить им иезуитские учебные заведения России являлось и глупым, и вредным. Фактически Местр предлагал ограничить образование русских юношей двумя предметами — латынью и математикой. Еще он допускал самостоятельное чтение по истории и географии, которое будет проверяться учителем, но не преподавание этих предметов как самостоятельных дисциплин. Вывод, к которому приходит Местр, — «в России не только не надо расширить круг познаний, но, напротив, стараться его суживать, ради самой науки, отрицающей ту энциклопедическую манию, которая является одним из величайших недугов нашего времени».⁴⁹ Всеобщее и основательное преподавание латинского языка и привитие латинской культуры создало бы, по мнению Местра, благоприятную почву для перемены религии. Одновременно следовало укреплять монархическую власть и военное сословие как ее естественную опору.⁵⁰

⁴⁷ Там же. С. 278.

⁴⁸ Там же. С. 252.

⁴⁹ Там же. С. 255.

⁵⁰ Анализ программы Местра по «европеизации» русского самодержавия см.: Степанов М. (Шебунин А. Н.). Указ. соч. С. 600–602.

⁴⁴ Там же. С. 254.

⁴⁵ Там же. С. 255.

⁴⁶ Там же. С. 277.

Возможно, идеи Местра о введении католицизма в России могут показаться наивными и несбыточными, но его значение для русской общественной мысли не следует сводить лишь к подобному рода проектам. В ходе публичного обсуждения религиозных перспектив России затрагивались такие важные для

общественной мысли проблемы, как Россия и Запад, власть и общество. Идеи Местра получили дальнейшее развитие в философических письмах Чаадаева, спорах западников и славянофилов, в историософии Владимира Соловьева и в идейных исканиях мыслителей Серебряного века.

Vadim S. Parsamov

Doctor of Historical Sciences, Senior Research Fellow of Institute of Russia's Regional History; National Research University "Higher School of Economics" (Russia, Moscow)
E-mail: vparsamov@hse.ru

JOSEPH DE MAISTRE ON THE ENLIGHTENMENT IN RUSSIA
(TOWARDS THE FORMATION OF THE PUBLIC SPHERE IN THE EARLY 19TH CENTURY)

Joseph de Maistre, who lived in Russia fourteen years (1803–1817) as an envoy of the King of Sardinia, did not leave a coherent text dedicated to Russia, however, his statements on various aspects of Russian life were numerous and varied. Some of them are contained in diplomatic correspondence. It was not intended for the Russian reader. The other part, which forms the object of this article, was distributed in Russian society and had the nature of expert assessments. As a diplomat, Maistre played a rather modest role as a petitioner for subsidies for the maintenance of the Sardinian court. As a public figure and thinker, celebrated by the public of St. Petersburg in the early 19th century. Maistre, who had endured and deeply comprehended the French Revolution, saw his mission as preventing a revolution in Russia, on which he had high hopes in the future. In Russia, according to Maistre, the center of the collision of two hostile world forces was moved: the European Enlightenment, and Catholicism, the faithful defenders of which were the Jesuits. The expulsion of the Jesuits from France predetermined the victory of the revolution in this country. The restoration of the Order of Jesus in Russia gave hope that the forces of revolution, penetrating into Russia in the form of various "sects," would be defeated. Maistre did not have deep knowledge of Russia, but he saw the enormous and unspent energy of the Russian people, deprived of proper use. The Russian nobility, infected with gollomania, cut off from their people and from the faith, was leading the country to disaster. Only the Jesuits, if they are entrusted with the education of Russian youth, were able to prevent this catastrophe.

Keywords: *Joseph de Maistre, Russia, Enlightenment, Catholicism, public sphere*

REFERENCES

- Dmitrieva E. E. [Conversion to Catholicism in Russia in the 19th Century (Historical and Cultural Context)]. *Mirovoye drevo. Arbor Mundi* [World Tree. Arbor Mundi], 1996, no. 4, pp. 84–110. (in Russ.).
- Ilyin I. A. *Sobraniye sochineniy v 10 t. T. 2, kn. 1. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg.* [Collected Works in 10 Vol. Vol. 2, Book 1. Our Tasks. Articles 1948–1954]. Moscow: Russkaya kniga Publ., 1993. (in Russ.).
- Lotman Yu. M., Uspensky B. A. [Echoes of the "Moscow is the Third Rome" Concept in the Ideology of Peter the Great]. *Khudozhestvennyy yazyk srednevekov'ya* [The Language of Art in the Middle Ages]. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 236–249. (in Russ.).
- Milchina V. A. ["A Man of Keen Wit Said...": Joseph de Maistre as a Master of Salon Conversation]. *Aktual'nost' Zhozefa de Mestra. Materialy rosiysko-frantsuzskoy konferentsii* [The Relevance of Joseph de Maistre. Proceeding of the Russian-French Conference]. Moscow: RGGU Publ., 2012, pp. 127–144. (in Russ.).
- Parsamov V. S. *Zhozef de Mestr i Aleksandr Sturdza: iz istorii religioznykh idey Aleksandrovskoy epokhi* [Joseph de Maistre and Alexander Sturdza: From the History of Religious Ideas of the Alexander Epoch]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta Publ., 2004. (in Russ.).
- Rouet de Journal M. J. Une Russe Catholique Madame Swetchine.* Paris: Maison de La Bonne Presse, 1929. (in French).
- Stepanov M. (Shebunin A. N.) [Joseph de Maistre in Russia]. *Literaturnoye nasledstvo* [Literary Legacy]. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., vol. 29–30, pp. 577–726. (in Russ.).

Для цитирования: Парсамов В. С. Жозеф де Местр о просвещении в России (к формированию публичной сферы в начале XIX в.) // Уральский исторический вестник. 2025. № 2 (87). С. 27–34. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-27-34.

For citation: Parsamov V. S. Joseph de Maistre on the Enlightenment in Russia (towards the Formation of the Public Sphere in the Early 19th Century) // Ural Historical Journal, 2025, no. 2 (87), pp. 27–34. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-27-34.